

пает наоборот, априори формулируя основной вывод и подгоняя под него все прочее. Детали, факты здесь не играют роли.

Еще об одном все же надо сказать. С «гордецами», которые, как утверждает А. С. Давыдов, являются моими основными информантами, я никогда не встречался, и поэтому не могу судить, насколько справедливо или несправедливо он их характеризует. Но сама постановка вопроса о недопустимости выдвижения людьми требований национального характера и причисления себя к данному этносу, а не к другому, выглядит довольно странно на фоне происходящих в стране изменений, политического курса на удовлетворение национально-культурных запросов всех без исключения народов.

И последнее. Чтобы окончательно прояснить для читателя свою позицию, я должен выразить несогласие с новейшей точкой зрения Л. Ф. Моногаровой, изложенной ею в статье «Припамирские народности», которая включена в справочник «Народы мира» (М., 1988). Дело даже не в том, что определение этих народностей как субэтнических групп таджиков не соответствует принятому в науке пониманию народности — этнической общности основного уровня. Сама концепция Л. Ф. Моногаровой представляется мне неудачным компромиссом. То, что эти народы захвачены процессом ассимиляции, еще не дает оснований считать их целиком подразделениями таджикского этноса. Пока хотя бы один шуганец или ваханец относит себя к своему народу, этот народ нельзя стирать с этнической карты страны. Никакие теоретические построения не дают нам право с олимпийских высот академической науки решать судьбу целых народов. При всем моем уважении к Л. Ф. Моногаровой, я не могу не отметить, что популяризация ее «субэтнической» интерпретации вопроса дает желающим шанс «отменить» припамирские народы уже на иной, гораздо более серьезной теоретической основе, нежели та, которую сконструировал А. С. Давыдов.

Примечания

¹ Народы СССР. Краткий справочник / Под ред. Толстова С. П., Кушнера П. И., Терлецкого П. Е. М.; Л., 1958. С. 9—10.

² *Frobenius L.* Der Ursprung der Afrikanischen Kulturen. В., 1898. S. XIII.

³ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.

⁴ На указанных А. С. Давыдовым страницах Ю. В. Бромлей писал об этническом самосознании как о необходимой, сущностной характеристике этноса, о том, что этноним — это внешнее выражение этнического самосознания у различных групп населения, о таком компоненте самосознания, как представления об общем происхождении. В частности, Ю. В. Бромлей отмечал: «Поэтому этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других аналогичных общностей» (*Ю. В. Бромлей.* Современные проблемы этнографии. С. 224). Надо иметь уж очень большую фантазию, чтобы все это перефразировать и изложить так, как сделал А. С. Давыдов.

Л. Ф. Моногарова

**ПАМИРЦЫ — НАРОДНОСТИ
ИЛИ СУБЭТНОСЫ ТАДЖИКОВ?
(Ответ А. С. Давыдову)**

Проблема этнонационального самосознания в этнической истории народов очень сложна. Наше время перестройки и гласности требует пристального внимания к этой проблеме и научного подхода к исследованиям характера межнациональных отношений.

Изучение этногенеза и этнической истории народов, населяющих различные регионы нашей страны, — одна из актуальных задач советской этнографической

науки. Дискуссионная проблема в этом плане — определение этнического статуса восточноиранского по языку основного населения высокогорных долин Западного Памира, административно входящего в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикской ССР: являются ли они в настоящее время отдельными народностями или в результате происходивших в прошлом и современных этнических процессов, ассимиляции таджиками памирцев, их можно считать этнографическими группами или субэтносомами таджиков?

Высказанная А. С. Давыдовым в его статье «Не обоснованно, зато ...публицистично» (см. настоящий номер журнала) точка зрения, отрицающая существование памирских (или припамирских) народностей и необоснованно утверждающая, что восточноиранские по языку различные народности Западного Памира — таджики, ошибочна.

А. С. Давыдов упрекает С. В. Чешко, автора статьи «Время стирать „белые пятна“»¹, в том, что тот не был в ГБАО и, следовательно, пользуется «чьими-то данными, какими-то публикациями» (с. 21 в данном номере журнала). Да, действительно, С. В. Чешко в ГБАО не был, не занимался там этнографическими исследованиями, но проявил хорошее знание опубликованных источников по состоянию национального вопроса в стране, и в частности в Таджикистане. А. С. Давыдов также не проводил этнографического изучения населения ГБАО, но, судя по его статье, в отличие от С. В. Чешко, показал полное непонимание этой проблемы и незнание основной литературы и архивных источников по поднятому им вопросу. Например, А. С. Давыдов упрекает С. В. Чешко в том, что тот пользовался «публикациями и непосредственной консультацией „специалистов“ ... Среди них пальма первенства принадлежит Л. Ф. Моногаровой, которая с 1947 г. ведет в ГБАО полевые работы. Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1949 г.², она объявляет, правда, мимоходом, население ГБАО „народами“. С тех пор Л. Ф. Моногарова опубликовала одну книгу и более десяти статей; во всех них утверждается это положение» (см. с. 21 настоящего номера журнала).

Мне очень жаль, но «пальму первенства» в определении населения ГБАО «народами» я должна уступить другим исследователям, крупным ученым: моим учителям, лекции которых я слушала на кафедре этнографии истфака МГУ, С. П. Толстову и С. А. Токареву, а также известным этнографам М. С. Андрееву, И. И. Зарубину, Н. А. Кислякову, А. К. Писарчик, востоковеду А. М. Дьякову, зарубежным языковедам XIX в. Р. Шоу, В. Томашеку, Г. Грирсону и многим другим. Даже в школьном «Географическом атласе СССР для средней школы» (М., 1938 г.) на Этнографической карте СССР «памирские народы» выделены особой краской. А. Г. Биснек и Н. М. Зельдович называли население, о котором идет речь, народами³. Их труд опубликован в 1940 г., когда я еще училась в школе. Н. А. Кисляков в 1948 г. писал: «Однако в отличие от упомянутых припамирских народностей (рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев), которые в религиозном отношении являлись исмаилитами, язгулемцы принадлежали к мусульманам-суннитам»⁴. Следует отметить, что Н. А. Кисляков был официальным оппонентом на защите моей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук и ответственным редактором упомянутой А. С. Давыдовым моей книги «Преобразования в быту и культуре припамирских народностей» (М., 1972), так что точка зрения Н. А. Кислякова по обсуждаемому вопросу ясна. Учитель А. С. Давыдова, А. К. Писарчик, в 1949 г. писала: «На территории нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР в труднодоступных высокогорных долинах самых верхних притоков Пянджа, как и з в е с т н о (разрядка моя.— Л. М.), проживают немногочисленные древние иранские народности, сохранившие в силу былой изолированности, до самого последнего времени свои древние языки и обычаи, давно уже исчезнувшие в других местах Средней Азии»⁵. В 1962 г. А. К. Писарчик, характеризуя основное население ГБАО, подчеркнула, что его «составляют припамирские таджики, ранее известные под названием

припамирские народности»⁶. А на этнографической карте Таджикской ССР, составленной по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (см. вклейку карты между с. 528 и 529 в томе «Народы Средней Азии и Казахстана», ч. 1., М., 1962) по родному языку показаны шесть наиболее многочисленных из припамирских народностей, как их называли исследователи. Известны в литературе они под названиями «иранские племена Западного Памира»⁷, «горцы Западного Памира»⁸, «горцы верховьев Пянджа»⁹, «народы Памира»¹⁰, «припамирские народности»¹¹, «памирские народы»¹², «припамирские таджики»¹³, «памирские таджики»¹⁴ (как они себя сами называют).

В ГБАО, кроме памирцев, проживают в Калаихумбском, Ванчском и Ишкашимском районах таджики, а в Мургабском — восточные (или мургабские) киргизы. Русских есть немного в Хороге и районных центрах. Из памирцев в Ванчском районе в долине Язгулема живут язгулемцы (самоназвание «згамик»), в Ишкашимском р-не, в кишлаке Рын — восточноиранские по языку ишкашимцы («ишкошуми»); в Рушанском р-не — рушанцы («рухни») с локальной группой хуфцами («хуфидж»), бартангцы («бартангидж») с локальной группой рошорвцами («рошорвидж»); в Шугнанском р-не — шугнанцы («хугни») с локальной группой баджуйцами; в Ишкашимском р-не — ваханцы («хик», «вахи»). За рубежом памирцы живут в Афганском Бадахшане (рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, зебакцы, сангличи, мунджанцы); в Пакистане (ваханцы в долине Ярхуна и Хунзы, в Читрале — мунджанцы и йидга); в Китайской Народной Республике — сарыкольцы (родственные шугнанцам) и ваханцы.

Родные языки этих народностей взаимонепонимаемы (кроме диалектов шугнано-рушанской группы), и поэтому издавна языком межнационального общения и письменным у них служил западноиранский язык «дари», «форси» (называемый нашими лингвистами «таджико-персидским»). Язык дари был и языком образования, и литературным. В настоящее время он является вторым государственным языком в Афганистане.

О происхождении памирцев в науке существует гипотеза английского лингвиста Т. Барроу (поддерживаемая большинством ученых), который полагает, что на территории Средней Азии и Восточного Ирана постепенно расселились на протяжении поколений протоиндоарийцы, затем переселившиеся в Индию. После их переселения на упомянутых выше местностях Средней Азии и Восточного Ирана продолжали жить оставшиеся протоиндоарийцы. Иранцы, придя на эту территорию, на протяжении веков смешивались с ними. Об этом свидетельствует сходство ряда обычаев и верований памирцев с древнеиндийскими¹⁵. Памирцы и таджики имеют и общих предков — это древние восточноиранские по языку народности: согдийцы, бактрийцы, тохары, саки. Проникавшие в Ферганскую долину и в междуречье Амударьи и Сырдарьи с V в. племена тюрков, создавших государство Западно-Тюркский каганат (VI—VIII вв.), не участвовали в этногенезе памирцев, что подтверждают данные антропологии. В связи с культурными и торговыми отношениями с VI—VII вв., особенно после арабского завоевания Средней Азии в VIII в. на территорию Междуречья и Ферганы стал проникать западноиранский язык «дари», «форси» («фарси»), постепенно вытесняя восточноиранские языки.

К X в. в эпоху государства Саманидов сложилось ядро таджикской народности с языком «дари», называемым таджикско-персидским, который стал языком письменности, литературы, искусства, науки. На периферии этнической территории формирования таджиков к этому времени сложились самостоятельные припамирские народности со своими родными, как уже отмечалось выше, восточноиранскими языками.

Как было сказано, народности Западного Памира начали формироваться в эпоху раннего средневековья. Они связаны происхождением и общностью культуры (в своей основе восходящей к тохарам), как с таджиками Дарваза, Каратегина, Гиссара, так и с таджиками Афганистана и с некоторыми народами Гиндукуша, особенно дардами, а ваханцы — больше всего с саками. А. Л. Грюн-

берг и И. М. Стеблин-Каменский обоснованно включают их в «памиро-гиндукушский этнолингвистический регион»¹⁶, а И. Мухиддинов для XIX — начала XX в. — в выделенный им хозяйственно-культурный тип «оседлые пашенные земледельцы-ирригаторы и скотоводы высокогорных зон Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума»¹⁷.

Западноиранский таджикско-персидский язык в процессе становления таджикской народности постепенно вытеснял восточноиранские языки сначала из городских центров, а затем и из сельских местностей. В настоящее время лингвисты отмечают наличие восточноиранских языковых особенностей в каратегинском, дарвазском и бадахшанских диалектах современного таджикского языка. Литературный современный таджикский язык создан только в годы Советской власти на основе бухарского, самаркандского и ферганского диалектов. В труднодоступной долине р. Ягноб у ягнобцев сохранился родной ягнобский язык, который лингвисты считают реликтом согдийского. В процессе ассимиляции ягнобцев таджиками, особенно после переселения значительной их части на вновь освоенные земли и с усилением таджикско-ягнобского двуязычия, их родной ягнобский язык постепенно изживается. На наших глазах продолжается процесс ассимиляции памирцев таджиками. Этот длительный, многовековой процесс сопровождается развитием двуязычия, о чем говорилось выше, а также эволюцией самосознания, выражающейся в многоступенчатости самоназвания. Так, являющиеся в прошлом одной из припамирских народностей «ванджи» (ванчцы), живущие в долине Ванча (правильнее Ванджа), ассимилированы таджиками лет 200 назад. Они перешли на таджикский в быту, приняли суннизм. И. И. Зарубин писал, что в 1915 году были живы старики, которые в детстве слышали от своих дедов ванчский язык и могли сообщить несколько слов, сохранившихся в памяти¹⁸.

Вслед за ванчцами, называвшими себя таджиками (отметим, что таджики других регионов также считают их таджиками), ассимилируются и язгулемцы. Они двуязычны (как и другие памирцы) и в конце XIX в. приняли суннизм (за исключением некоторых жителей в кишлаке Андербак), часть их считает себя таджиками, но таджики других регионов не признают их, как и других памирцев, таджиками. Следует отметить, что и в настоящее время верующие памирцы — мусульмане-исмаилиты (секта шиитского направления в исламе). Менее интенсивно идет процесс ассимиляции таджиками рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других памирцев.

Многоступенчатость этнонационального самосознания отметил М. С. Андреев, но не соотнес это с этническим развитием памирцев. В отношении хуфцев М. С. Андреев писал: «Сами хуфцы, как и население окружающих их долин, употребляют для самоназвания слово „хувидж“ — „хуфец“. Они себя считают особым народом, отличающимся по языку (в настоящее время диалекту), по происхождению и по обычаям от населения окружающих их долин»¹⁹, и далее он отмечает: «Однако, наряду с определением себя как группы, отдельной от прочих обитателей верховьев Пянджа, все хуфцы, с которыми мне приходилось разговаривать во время моих встреч с ними в Ташкенте в 1901 году и во время моих первых поездок в Хуф в 1907 и 1929 годах, нимало не колеблясь, объявляли себя „настоящими таджиками“, более чистыми даже, чем живущие ниже их по течению реки Пянджа таджики, говорящие на таджикском языке»²⁰. Это противопоставление себя как этноса другому этносу — собственно таджикам западноиранским по языку более отчетливо подчеркнула А. К. Писарчик: «Общее самоназвание „тоджик“ применялось для противопоставления таджикам соседних районов ниже по Пянджу, которых припамирские таджики называли „форсигу“, „порсигу“ (говорящие по-персидски), а также „шаары“ — городские. Теперь термин „тоджик“ употребляется припамирцами и как самоназвание, и для обозначения прочих таджиков республики, отражая осознаваемое ими национальное единство со всем таджикским народом. Термином „тоджик“ называют припамирцев и киргизы Восточного Памира. Равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев, „помири“ —

памирцы или иногда „шугни“ — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы»²¹.

А. С. Давыдов, очевидно, не знает, что термин «таджик» в прошлом употреблялся и в значении «оседлого земледельческого населения» для отличия его от тюркского, скотоводческого; в этом значении его употребляли памирцы. Как отмечает С. И. Брук, «Этноним „таджик“ в Афганистане не всегда четок: таджиками, или парсиванами, т. е. говорящими на языке фарси, часто называют себя и памирские народы и многие пашаи, и ормуры, и различные группы других народов (в том числе и пуштунов), говорящих на языке фарси»²².

Употребление термина «таджик» в значении «оседлого земледельческого населения» обусловило то, что многочисленные путешественники и ученые, не являющиеся специалистами-этнографами, на которых ссылается А. С. Давыдов, называли эти народности таджиками, хотя тот же И. Магидович четко отделял шугнанцев от рушанцев и других. Он писал: «Отделенные друг от друга непроходимыми горными хребтами, памирские таджики разбиваются на несколько ветвей, говорящих на столь различных диалектах, что они с трудом понимают друг друга. Ветви эти следующие:

	Мужчины	Женщины	Всего
Шугнанцы	4 782	4 111	8 893
Рушанцы	3 443	2 744	6 187
Ваханцы	1 231	902	2 193
Бадахшанцы-горонцы	498	380	878
Ишкашимцы	114	70	184
Шахдаринцы	15	13	28
Итого таджиков	10 083	8 280	18 363» ²³

(Это данные переписи 1917 г.).

Удивляет, что А. С. Давыдов, ссылается на положение юриста Л. М. Энтина, который пишет, что «исторические и естественные условия жизни горных таджиков с течением времени привели к образованию в различных районах Памира этнических групп (шугнанцы, рушанцы и др.), отличающихся определенными особенностями быта и языка...» (см. настоящий номер журнала, с. 20). Следует отметить, что С. Раджабов и Н. Бободжанов, не ссылаясь на Энтина, писали: «Исторические особенности и природные условия жизни таджиков горных районов в течение веков привели к образованию в различных районах Памира определенных этнических групп (шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, роштанцы, рушанцы и др.), которые по языку, быту и своей культуре отличались от основного населения Таджикистана»²⁴. Упомянутые авторы, а вместе с ними и А. С. Давыдов проявили полное незнание существования этнических процессов в этом регионе. Кстати, не по названию местности в данном случае возникли этнонимы, а наоборот, по названию народов называют и местности, где они живут. Говоря о расселении народностей на Западном Памире известный демограф Н. С. Гинзбург отметила, что в Припанджских долинах жили ваханцы, шугнанцы, хуфцы и баджуйцы, рушанцы, бартангцы, язгулемцы. «В соответствии с этим отдельные области Западного Памира получили свои названия (Шугнан, Рушан, Вахан и т. д.) и были отдельными небольшими государствами»²⁵. А. С. Давыдову должно быть известно, что, например, самоназвание жителей Язгулема — «згамик», а долина на их языке называется «Юздом», отсюда переделанное название долины и реки — Язгулем, а жителей — язгулемцы; самоназвание ваханцев — «хик», шугнанцев — «хугни», «хунуни». Таким образом, видно, что из переделанного соседними народами этнонима ведет свое происхождение и название местности, а не наоборот.

Следует уточнить, говоря о численности памирцев, что А. К. Писарчик приводит общую численность народностей Западного Памира в 1959 г. по языку, а же в своей книге и статьях даю, кроме общей, численность каждой из них²⁶.

Кстати, говоря о природных границах Памира, А. С. Давыдов должен был сказать, что в науке это вопрос дискуссионный. Он причисляет Дарваз к Западному Памиру (с. 16 настоящего номера СЭ), а О. Е. Агаханян и А. Юсуф-

беков отметили, что «Северо-Западная граница Памира проводится по гребню Ванчского хребта и хребту Академии наук»²⁷. Очень жаль, что А. С. Давыдов не читал книгу «Страны и народы Востока» (М., 1975, вып. XVI. «Памир»), в которой опубликованы статьи по проблемам истории и этнографии, лингвистики и географии, статьи видных языковедов, историков, археологов, геологов и др.²⁸ Как видно из статей языковедов Д. И. Эдельман, И. М. Стеблин-Каменского, А. З. Розенфельд, Т. Н. Пахалиной, востоковеда А. М. Дьякова, опубликованных в этом выпуске, они как и востоковед и археолог Е. В. Зеймаль²⁹, этнографы С. В. Чешко и М. В. Крюков³⁰, а также и некоторые другие исследователи считают памирцев народами или народностями. Автор данной статьи³¹, Д. Балхов³², И. Мухиддинов³³ полагают, что в настоящее время памирцев следует считать этнографическими группами или субэтносами таджиков. Многовековой длительный процесс естественной ассимиляции памирцев таджиками идет на наших глазах. В ходе социалистического преобразования хозяйства и культуры припамирских народностей в процессе укрепления межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев (исмаилитов), так и у таджиков (суннитов) за годы Советской власти происходило более интенсивное сближение этих народов, что особенно заметно проявилось в эволюции их этнонационального самосознания.

Однако еще в 1940-е годы процесс консолидации таджикской нации не был завершен: «К концу 40-х годов процессы консолидации в стране в основном завершились. В известной мере эти процессы еще имеют место в Средней Азии и Закавказье. Так, в Таджикской ССР малые памирские народности консолидируются в единую нацию с родственными по происхождению таджиками»³⁴. В 1950—1980-е годы этнонациональное самосознание припамирских народностей проявляется в трех формах: во-первых, выясняя национальную принадлежность между собою, они называют свое первичное этническое самоназвание: «згамик», «вахи» и т. п. Во-вторых, при общении с приезжими или посещая другие районы Таджикистана, они называют себя «помири» — памирцами, или «памирскими таджиками», поясняя, что они отличаются от таджиков других регионов языком, обычаями, религией, а определение «памирские» получило этническое значение. В-третьих, за пределами Таджикистана припамирские народности называют себя «тоджик» (таджик).

Ассимиляция начинается с перемены языка, в результате культурного влияния ассимилируемая народность перестает считать себя принадлежащей к прежней этнической общности. «Перемена национального самосознания обычно считается конечной стадией процесса ассимиляции»³⁵.

Я полагаю, что конечной стадией процесса ассимиляции является следующий за переменой этнонационального самосознания этап, когда этнос, ассимилирующий другой, меньший по численности этнос (или субэтнос) перестает выделять последний особым названием. Например, когда не только ваханцы, язгулемцы и т. п. будут считать себя таджиками, но и таджики других регионов будут считать их таджиками, как это имеет место с ванджами (ванчцами).

Осознание этнической общности всеми памирскими народностями и этноним «помири» (памирцы), определение родного языка не по первичному названию — например, шугнанский или рушанский, а как «памирский» (при проведении массового анкетного опроса в 1982 г. в г. Хороге из 141 опрошенного «памирским» назвали родной язык 12 чел.), превращение шугнанского языка в язык межнационального общения в Хороге — центре ГБАО, а также общность семейно-бытовой сферы, культурные и экономические связи свидетельствуют о проявлении тенденции к формированию этнической общности «памирцев». Однако, на мой взгляд, эта тенденция консолидации памирцев в особую памирскую этническую общность не имеет перспективы дальнейшего развития при учете все усиливающегося влияния современной таджикской национальной культуры, возрастающей роли таджикского языка, являющегося и языком межнационального общения в течение многих веков, и литературным.

Памирцы, на мой взгляд, переживают в настоящее время переходную стадию своего длительного этнического развития на пути все большего сближения и дальнейшего слияния с таджиками, о чем говорит многоступенчатость их этнонационального самосознания, выражающаяся в многоступенчатости их самоназвания. Шугнанец, кандидат философских наук Д. Балхов отметил: «Двойственный характер самосознания припамирских народностей свидетельствует о незавершенности процессов консолидации и о влиянии таких факторов, как религия, традиции их исторического прошлого и географических условий Памира»³⁶.

Учитывая вышеизложенное, я прихожу к следующему заключению об этнической принадлежности памирцев: памирцы двуязычны, причем дети идут в школу, не зная таджикского языка (на котором ведется обучение), они сохраняют свои родные разговорные языки, особенности в семейно-бытовой сфере, некоторые элементы своей традиционной материальной и духовной культуры, верующие исповедуют исмаилизм. Однако памирцы приобщены к современной экономической жизни республики и профессиональной культуре таджиков. Ученые памирцы являются представителями таджикской науки, поэты и писатели памирцы — представители таджикской литературы, памирцы артисты — представители таджикского театрального искусства и т. п. Они осознают себя «памирскими таджиками» и на данном этапе их этнонационального развития они представляют собою этнографические группы или субэтноты таджиков.

Примечания

¹ Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография (далее СЭ). 1988. № 6. С. 3—15.

² Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира // СЭ. 1949. № 3.

³ Биснек А. Г., Зельдович Н. М. Этнография народов Памира // Сб. СЭ, III. М.; Л., 1940.

⁴ Кисляков Н. А. Язгулемцы // Изв. ВГО. 1948. Т. 80. Вып. 4. С. 361—372.

⁵ Писарчик А. К. Термины обращения «ло» и «ро» в шугнано-рушанской группе языков в верховьях Пянджа (Амударьи) // Изв. Таджикского филиала АН СССР. № 15. История и этнография. Сталинабад, 1949. С. 59.

⁶ Писарчик А. К. Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. М., 1962. С. 657.

⁷ Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии // Сб. МАЭ. Т. IX. СПб., 1911; Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира. Т. 1. Ташкент, 1937.

⁸ Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 90.

⁹ Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

¹⁰ Биснек А. Г., Зельдович Н. М. Указ. раб.; Население СССР. Справочник. М., 1974. С. 78; Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 175, 300, 302; Гафуров Б. Г., Мирзоев А. М. // Предисловие к книге Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959—1963 гг. М., 1967. С. 9—10.

¹¹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 331.

¹² Кисляков Н. А. Таджики // Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. С. 209.

¹³ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.

¹⁴ И. Мухиддинов считает, что население ГБАО, о котором идет речь, являются народностями, в настоящее время ассимилируемыми таджиками, и применительно к настоящему времени называет их памирскими таджиками. (См. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975; его же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века. Душанбе, 1984. С. 16.

¹⁵ Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. Душанбе, 1983. С. 3—4.

¹⁶ Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский Н. М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 276—283.

¹⁷ Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века.

¹⁸ Зарубин И. И. К списку памирских языков // Докл. Российск. АН. Серия В. Л., 1924. С. 80; см. также Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сб. 1. Душанбе, 1945. С. 66; Розенфельд А. З. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.

- ¹⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. вып. I. С. 11.
- ²⁰ Там же. С. 147.
- ²¹ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.
- ²² Брук С. И. Указ. раб. С. 302.
- ²³ Магидович И. Население Памиров // Бюллетень Центрального статистического управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922. № 23 (1 мая). С. 5.
- ²⁴ Раджабов С., Бободжанов И. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе, 1975. С. 17.
- ²⁵ Гинзбург Н. С. Особенности расселения на Памире // География населения и населенных пунктов СССР. Л., 1967. С. 253.
- ²⁶ Ср.: Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 658—659; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11—12; *ее же*. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 174—175.
- ²⁷ Агаханян О. Е., Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 26.
- ²⁸ См. статьи Эдельман Д. И. (с. 41—62), Стеблин-Каменского И. М. (с. 192—193), Розенфельд А. З. (с. 210—221), Пахалиной Т. Н. (с. 222—250), Дьякова А. М. (с. 169—173) // Страны и народы Востока. Вып. XVI.
- ²⁹ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. Октябрь. С. 64—72.
- ³⁰ Чешко С. В. Указ. раб; Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // СЭ. 1989. № 2. С. 31.
- ³¹ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; *ее же*. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области. С. 156—168; *ее же*. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125—135; *ее же*. Припамирские народности // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 373.
- ³² Балхов Д. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. философ. наук. М., 1972, с. 17.
- ³³ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима; *его же*. Особенности традиционного земледельческого хозяйства; *его же*. Этнографическое изучение Советского Бадахшана. (В соавторстве с Моногаровой Л. Ф.) // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе. 1985. С. 352—384.
- ³⁴ Справочник. «Население СССР». М., 1975. С. 98—99.
- ³⁵ Брук С. И. Указ. раб. С. 80.
- ³⁶ Балхов Д. Указ. раб. С. 17.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ
ОТКЛИКА А. С. ДАВЫДОВА НА СТАТЬЮ
С. В. ЧЕШКО**

В № 6 журнала за прошлый год была напечатана статья С. В. Чешко, в которой обсуждались и проблемы памирских народностей. Мы полностью согласны с критикой автором так называемого «письма ветеранов» (газ. «Коммунист Таджикистана», 24 июня, 1988 г.).

По предложению журнала «Советская этнография» мы ознакомились с откликом А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко. Наши возражения А. С. Давыдову, приводимые ниже, неизбежно перекликаются с нашим ответом на «письмо ветеранов», публикуемым в «Памире».

Бросается в глаза, в первую очередь, противоречивость позиции А. С. Давыдова. С одной стороны, он признает, что окончательное решение вопроса об этнической принадлежности зависит от самосознания и является правом самих памирцев. Однако тут же А. С. Давыдов делит всех носителей памирских языков на две группы: благонамеренную, лояльную, признающую себя «таджиками» и группу «смутьянов», зараженную, по его словам, «отвратительным местничеством», настаивающую на языковых и культурных отличиях населения ГБАО